

Когда были зажжены все светильники, пламя взметнулось со стены и полностью осветило подземное святилище. Газ, выделяемый горящим жиром, окутал идолов Девы, напоминая Лин Санцзю о её поганом дыхании.

«Человеческий жир», — прошептала им дуолочжун, проходя мимо них, — «Эти факелы пропитаны человеческим жиром».

А затем ушла. Без всякого повода. Казалось, ей просто хотелось поделиться этой информацией.

Лин Санцзю, лежа на полу, не могла произнести ни слова. Она неотрывно смотрела на уходящую дуолочжун, прожигая её уничтожающим взглядом. Из входа в святилище появлялось всё больше дуолочжун, заполняя помещение, словно стая саранчи, напавшая на несчастную ферму.

Однако их количество всё ещё не могло сравниться с числом статуй в святилище.

... Лин Санцзю готова была поклясться, что никогда в жизни не видела столько статуй.

Подземное святилище было огромным. Даже с улучшенным зрением, она не могла увидеть конец потолка. Самый дальний угол был окутан тьмой, поскольку огонь не мог достичь его.

В этом огромном подземном пространстве было множество статуй Дэвы, изготовленных из различных материалов, наполняющих храм до краев.

Глина, грязь, дерево, камень, железо: казалось, что любой материал, который мог бы стать хорошим идиолом, использовался для изображения Дэвы. Даже на стенах был рельеф с её изображением. Размеры идолов варьировались. Самый большой был размером с человека, а самый маленький — с палец.

Идол, ближайший к ним, был размером с человека. Его высеченные губы были сильно изогнуты, образуя улыбку. На его голове, плечах, поднятой в воздух руке и одежде были высечены маленькие идолы или изображения самой Дэвы.

Глядя вперед, плотность изображений Дэвы в подземном святилище была настолько высока, что вызывала тошноту.

Сотни дуолочжунов собрались в центре подземного святилища, образовав полукруг. Один из них выволок из подвала обмякшего избитого постчеловека и бросил его на пол. Свет был скудным, поскольку густые ряды идолов перекрывали пламя от светильников. Единственное, что светилось во тьме, — серебряное кольцо на левом безымянном пальце постчеловека.

Один из дуолочжун довольно откашлялся. Он подошел и поднял постчеловека за волосы. Линь Санцзю видела, что два глаза на незнакомом лице были крепко зажмурены.

— Постойте, я же чуть не забыл, — вдруг произнес стоявший рядом со стражем дуолочжун, — мы должны позвать всех остальных, пусть будут свидетелями этого священного момента.

В толпе начался гам. Они хихикали, и несколько человек вышло в проход.

Лежа на земле, Линь Саньцзю могла краем глаза различить лишь искривленные когти, которые подкрадывались к ней. Когда эти когти появились снова, позади этих дуолуочжунов были несколько нежных, но грубых и сухих ног, принадлежавших людям. Очевидно, это были женщины.

Конечно, потребовалось некоторое воображение, чтобы понять, что это человеческие ноги.

«Сидите здесь», — радостно приказал один из дуолуочжунов, — «Поприветствуйте своих новых друзей. У вас лучшие места, чтобы наблюдать за святым обрядом крещения и в то же время знакомиться с новыми друзьями. Есть ли лучший способ дорожить этим прекрасным моментом?»

Когда он говорил, вымазанный слизью хвост на его спине взметнулся вперед, оттолкнув трех женщин на землю, прежде чем повернуться и уйти, не глядя на них. Казалось, он был очень уверен, что они не смогут встать самостоятельно, когда упадут на землю.

Внезапно над ее лицом нависла тень. Когда Линь Саньцзю попыталась повернуть глаз, в поле ее зрения возник огромный живот; она была ошеломлена.

При ближайшем рассмотрении на животе обнаружились еще более ужасные увечья. Казалось, кожа в области живота у женщины неоднократно рвалась и заживала, покрывая ее несметным количеством трещин, рубцов и желтой липкой слизи по мере того, как плод становился все больше. Кожа выглядела настолько натянутой, что казалось, вот-вот лопнет.

Опустив взгляд на опухшие ноги женщины, усеянные выпуклыми зелеными венами, Линь Саньцзю увидела цепь, концы которой были вонзены в обе внутренние стороны ее лодыжек. Хотя концы цепи были покрыты недавно нарощенной кожей, те несколько шагов, которые она сделала, чтобы добраться сюда со своего прежнего местоположения, вскрыли ее раны, и кровь начала сочиться.

«Цепи врезались мне в кость», — тихо прошипел голос. Линь Саньцзю забеспокоилась — она понятия не имела, была ли женщина по отношению к ним враждебно настроена или нет. Ей хотелось вскочить, но её нынешнее состояние не позволяло ей сделать этого: «Рана будет раскрываться при каждом моем шаге. Ей никогда не зажить».

Линь Саньцзю уже не в первый раз сталкивалась с подобным ужасом, но она по-прежнему не могла заставить себя взглянуть на цепи, так глубоко вгрызшиеся в щиколотки женщины. Она отвела взгляд, и к горлу подступила тошнота. Она не видела лица женщины, слыша лишь её голос, но тот, к её удивлению, не звучал испуганно. Напротив, в тоне сквозила ровность и спокойствие.

«Я понимаю, что теперь вы не можете говорить, как когда-то делала это я», — продолжала говорить женщина, и Линь Саньцзю показалось, что в ее словах было что-то странное, «... Внимательно посмотри на крещение, на мой живот и ноги... Из всех пойманных женщин-неверных выжили только трое из нас, но двое из них уже сошли с ума».

Линь Саньцзю хотелось задать много вопросов, но сейчас она не могла ничего сделать, кроме

как моргать.

«Тсс», — шикнула на нее женщина, хотя прекрасно знала, что у Линь Саньцзю отняли способность говорить, «Смотри, сейчас начнется крещение...»

Не успела она договорить, как в толпе дуолучжунгов спереди раздался рев. Линь Саньцзю встревожилась, но ее бьющееся сердце вскоре успокоилось, когда она услышала, что они просто читают отрывок из Оракула.

«Истинный Бог никогда не отвернется от нас. Она вездесуща. И всеведуща, и всемогущественна», — проскандировали дуолучжуны. После этих слов один из дуолучжунов сорвал с себя одеяние и выдернул руку. Его тело было покрыто извивающимися нитями, что давало ему вид большой, отвратительной, ходячей актинии*. Схватив постчеловека за воротник, дуолучжун поднял его над землей.

«Тем, кто идет с Богом, смерть больше не будет концом. И они будут жить вечно. А тех, кто откажется повиноваться божественному закону, ждет гибель».

Дуолучжун склонил голову, чтобы приблизиться к постчеловеку, и сделал глубокий, довольный вдох. От его глаз выросли два усика, которые поползли по щекам несчастного.

Линь Саньцзю почувствовала себя немного нехорошо.

* Цветок моря

"Полагаю, он не так давно прибыл в это место", - большой живот явно доставлял женщине немало проблем. Она тяжело вздохнула и пробормотала: "Не знаю, кому из нас троих стоит завидовать".

"Что это значит?"

Пока эта мысль крутилась у нее в голове, сзади подошла другая женщина и произнесла полным презрения голосом: "Сразу с женщинами возиться не будут. Сперва отберут наши Особые Предметы и выяснят нашу Эволюционную Способность. Если решат, что нас можно контролировать, оставят в живых, как и меня. А тех, с кем справиться не смогут, покрестят в этих самцов-посмертников. Но в любом случае конец будет один... Ах да, моя Эволюционная Способность - читать мысли, так что спрашивай, что хочешь, услышу".

"Читает мысли. Неудивительно, что решили ее оставить..."

"Да, совершенно верно. Они не боятся моих способностей. В конце концов, нет ничего лучше, чем вылить все свои сокровенные мысли мне", - с презрением произнесла женщина.

Линь Саньцзю стало жаль женщину.

Едва толпа дуолучжунгов закончила скандировать Оракула, как ведущий дуолучжун громко взвизгнул, в его голосе звучали одновременно восторг и ликование. Он ущипнул подбородок послечеловека пальцами, заставив его открыть рот, прежде чем открыть свой собственный. Затем из дыры вылез сильный, толстый язык, покрытый липкой слизью. Вытянутая часть языка бешено болталась в воздухе, покачиваясь взад и вперед, как труба, и, казалось, ей нет конца.

"Вот, начинается", - пробормотала женщина себе под нос.

Шлеп.

Прежде чем затих ее голос, толстый и крепкий язык проник в рот постчеловека, проникая вглубь его тела. Казалось, внутри языка была пустота, и нечто из тела дуолучжун передавалось через язык в тело постчеловека, наполняя его живот, словно надутый воздушный шар.

Каждая мышца на щеках постчеловека дрожала; тело его дергалось, как рыба вне воды. Тем не менее его сопротивление было быстрым. По мере того как язык проникал все глубже в тело постчеловека, он неожиданно перестал двигаться. Его тело безжизненно повисло в воздухе, словно марионетка с отрезанными нитями.

«Его органы уничтожены», — спокойно объяснила женщина, «... Дуолучжун впрыскивает в его тело слизь, а затем разрушает его органы».

«Зачем?»

«Скоро узнаешь». С этими словами несколько дуолучжунов подошли поближе к мужчине-постчеловеку и раздвинули ему рот. Все они заглянули в увеличившееся отверстие. У одного из них в руке был предмет, похожий на фонарик. Линь Санцзю понятия не имела, откуда он взялся.

«Итак, слушай меня. У нас не так много времени». Женщина вдруг заговорила быстрее и понизила голос: «После того, как они крестят этого парня, они придут, чтобы изучить твои Эволюционные способности. Насколько сильна твоя способность? Можно ли её сдержать?»

Линь Санцзю почувствовала неладное. Она быстро переключила свои мысли на что-то другое и разорвала связь с женщиной, стараясь не думать о своих Эволюционных способностях. Она пока не могла доверять женщине, пока не разберётся в этом деле. Для женщины, которую так долго похищали и оскорбляли, её поведение было слишком спокойным и странным.

«О? Ты мне не доверяешь? Значит, ты не хочешь, чтобы я узнала о твоей способности...» — женщина сказала как бы само собой разумеющееся: «Разве ты не видишь? Если не будешь со мной сотрудничать, то закончишь как я».

«Тогда скажи мне сначала, что, чёрт возьми, было с твоим животом? И что тебе от нас нужно?»

Дуолучжуны больше не были людьми, так что они не могли оплодотворить женщину. Неужели это были те худые и бесстрастные мужчины снаружи?

«Не они», — ответила женщина с большой срочностью, как будто прочитала мысли Линь Санцзю. Каждый произнесённый ей слог, казалось, вырывался из её трахеи. Она зашлась кашлем, и потом несколько брызг рвоты с громким всплеском ударились об землю, распространив в воздухе кислый запах.

«Те мужчины не постюди», — она снова с надрывом откашлялась, прежде чем смогла закончить предложение, привлекая внимание нескольких дуолучжунов поблизости, — «К тому же прелюбодеяние — это грех по доктрине. Каждый мужчина должен оставаться девственником до самой смерти».

«А?»

В третий раз, как её вырвало, из её рта вытек лишь ручеек воды: «... Каж-Каждую женщину

передадут Дэве. И когда они вернутся, их с...»

Громкий звук рвоты снова оборвал её слова. Несколько дуолуочжун с недоверием направились к ним, услышав суматоху. Но обнаружив, что там просто женщину рвёт, они остановились.

«Не напоминай», — спокойный голос резко изменился, превратившись в истеричный, словно разум человека был на грани срыва. Линь Саньцзю пришлось снова и снова успокаивать женщину, прежде чем ей удалось сдержать свой эмоциональный всплеск. Она снова заговорила. Но на этот раз её голос стал ещё тише: «... Не напоминай мне об этом! Шесть плодов за раз, каждые три месяца. Всех рождённых детей будут растить несколько лет, прежде чем передать Дэве, чтобы она забеременела от них...»

Линь Санцзю вспомнила голос Дэвы, который вызвал у нее мурашки по всему телу. Это был звук, похожий на мужчину, который разговаривал с зажатым носом, пытаясь подражать женскому тону.

"Вот как она... назовем ее пока что "она"... увеличивала свое стадо?"

Линь Санцзю не осмелилась спросить, как Дэва добилась этого подвига, потому что не хотела снова ломать разум женщины.

"Да", - женщина ахнула и сказала: "... я не знаю, сколько лет прошло с тех пор, как наступил конец света, но именно так все попадают в этот мир".

Линь Санцзю была настолько шокирована, что на мгновение ее мозг перестал работать. Как раз когда она хотела задать следующий вопрос, толпа дуолуочжун перебила ее мысль криком. Некоторые из них свистели, словно бы празднуя.

Подстегнутая любопытством, она подняла глаза. И затем застыла.

Дуолуожонг театрально разжал свои когти. Труп упала на землю, однако, не успев удариться, она внезапно изогнула свое тело в воздухе и выставила руку, чтобы удержать себя. Затем медленно поднялась с земли на ноги. Глазные яблоки выпали из глазниц и покатались к ногам Линь Саньцзю.

Линь Саньцзю уставилась на человекоподобную фигуру, и ее осенило.

«Так они убивают человека, чтобы, когда он оживет, тот стал дуолуочжуном... Это крещение. Мир разрушила не Дэва. Напротив, она старалась не убивать людей после смерти, потому что, убив их здесь, получишь лишь бесполезный труп», — женщина понизила голос, — «...Некоторые из здешних дуолуочжунов — женщины. Их превратили в таких, потому что их способности не удавалось удержать под контролем. Я видела пять или шесть. Не знаю, должны ли они мне завидовать, или я должна завидовать им».

«Она опять что-то сказала».

«Что ты делаешь?» Лим Сэндзинь почувствовала, как у нее на затылке зашевелились мелкие волосики, когда мимо нее пронесся холодный ветер.

Дуолуочжуны все еще праздновали, и она не знала, что сейчас там происходит.

Сегодня твой счастливый день. Потому что мне наконец-то поручили отлить эту стальную статую, — пробормотала женщина. Линь Саньцзю почувствовала, как к её артерии прижали

кусок железа. Её сердце вздрогнуло от холода металла. «Не волнуйся, я здесь, чтобы помочь. Я сделаю так, что ты умрёшь быстро. Тебе не придётся беременеть и ты не превратишься в дуолуочжун. После того как я убью вас четверых, я покончу с собой», — последние слова, слетевшие с губ женщины, были чуть громче шёпота. «Встретимся в аду».

<http://tl.rulate.ru/book/4990/3006530>